

ние условия её развития (Т. Кун, П. Фейерабенд), и может быть представлена как экстерналистский подход [3, с. 44].

Дальнейшая разработка исследовательских моделей роста научного знания позволила выйти на проблему оснований науки как фундаментальных идей и представлений, благодаря которым научное знание на каждом этапе исторического развития организуется в единую целостную систему. Отобразить взаимообусловленность оснований науки и её динамики небезуспешно пытались как в рамках западных, так и отечественных философско-методологических исследований.

В 1970–80-е годы в западной философии основания науки выделялись в виде базисных категорий той или иной постпозитивистской методологической модели науки, будь то «парадигма» Т. Куна, «ядро исследовательской программы» И. Лакатоса, теория инструментальной рациональности К. Поппера или «сетчатая модель» научной рациональности Л. Лаудана [5]. Самой аналитичной среди них признаётся концепция Т. Куна. Под влиянием критики в адрес ключевого понятия «парадигма» Т. Кун попытался проанализировать структуру парадигмы и в качестве основных её компонентов выделил «символические обобщения», образцы решения конкретных задач, «метафизические части парадигмы» и ценностные установки науки [1, с. 39–45]. При этом Т. Кун не фиксирует ценности как устойчивые каноны, а рассматривает их в социопсихологическом аспекте в виде стратегий выбора, принимаемых научным сообществом. Тем самым он постулирует переменное содержание ценностей как критериев стратегии выбора теории. Говоря же об устойчивых характеристиках научного знания, Т. Кун, упоминает некие «каноны, которые делают науку наукой» [1, с. 41], фиксируя тем самым возможность нормативной интерпретации научной рациональности, но не раскрывая её.

Примерно в этот же период времени тема оснований науки интенсивно начинает обсуждаться в отечественной философско-методологической литературе в работах В. С. Степина, П. С. Дышлевого, Н. В. Мотрошиловой, А. П. Огурцова и других. Наиболее фундированной является концепция В. С. Степина, в которой в качестве базовых компонентов оснований науки выделяются научная картина мира, идеалы и нормы научного познания и философские основания науки. Эти компоненты призваны выражать общие представления о специфике объекта научного исследования, об особенностях познавательной деятельности и о характере взаимодействия науки и культуры на определённом историческом этапе их развития. Взаимосвязь динамики научного знания и норм научной рациональности В. С. Степин раскрывает, выделяя общие и особенные черты в содержании познавательных идеалов и норм [9, с. 185–289]. Общие черты в содержании идеалов и норм выступают своеобразным инвариантом и характеризуют собственно специфику научной рациональности в виде нормативов научного познания. Особенности черты отражают исторические типы научной рациональности, сменяющие друг друга в результате глобальных научных революций [7, с. 12–18]. В отечественной философско-методологической традиции, согласно историко-генетической модели научной рациональности, принято выделять три исторических типа научной рациональности: классический, неклассический и постнеклассический [10].

В целом такая исследовательская позиция, в отличие от позиции Т. Куна, позволяет провести детальный анализ механизмов социокультурной детерминации научного познания, выявить природу и типологию научных революций и тем самым объяснить механизмы возникновения нового знания с учётом специфики функционирования науки на определённом этапе её исторического развития. Однако это не означает, что возникновение нового типа научной рациональности приводит к полному исчезновению представлений и методоло-

гических установок предшествующего этапа, так как смена одного типа научной рациональности другим происходит по принципу преемственности знания. Так, Е. А. Мамчур пытается совместить революционный и эволюционный подходы в трактовке развития научного знания, постулируя действие в научном познании принципа максимального наследования [2, с. 314–328]. Всё это позволяет говорить об иерархичности системы норм научной рациональности в процессе её динамики. Наиболее стабильные нормы (например объективность и предметность научного знания, установка на исследование законов преобразования объекта научного познания), выражающие эпистемологический ракурс норм научной рациональности, можно считать «ядром» нормативной научной рациональности. В свою очередь, наиболее переменные, проявляющиеся преимущественно в социокультурном аспекте интерпретации норм научной рациональности в качестве критериев научности, можно считать «периферией».

Однако существующую стабильность норм научной рациональности нельзя преувеличивать и придавать ей абсолютное значение. Если «ядро» норм научной рациональности изменяется медленно редко, то «периферийные» подсистемы, а именно критерии научности, могут обладать значительной вариативностью. Это связано с тем, что нормы научной рациональности и критерии научности имеют двойную детерминацию. С одной стороны, они детерминированы особенностями объектов, которые осваивает наука на определённом этапе её исторического развития. С другой стороны, они выражают образ познавательной деятельности, складывающийся в культуре под влиянием практики и обслуживающих её типов духовной деятельности [8, с. 16–19]. Учитывая это, можно выделить как минимум два механизма, обуславливающих динамику норм и критериев научной рациональности. Первый механизм связан с изменениями в структуре самой научной рациональности. Он наиболее отчётливо прослеживается при переходе науки к изучению объектов нового типа, объектов обладающих сложной системной организацией. Вторым механизмом трансформации норм и критериев научной рациональности является смена исторических типов науки. Речь в данном случае идёт о том, что нормы рациональности всегда предметно обусловлены особенностями культуры соответствующей исторической эпохи и имеют мировоззренческую окраску [8, с. 20–25].

В развитии постнеклассической науки выделяют ряд концепций и подходов, благодаря которым можно зафиксировать трансформацию норм научной рациональности и критериев научности как внутреннего, так и внешнего характера. Внутренние механизмы изменения критериев научности обусловлены «человекоразмерностью» объектов современной науки. Они наполнили структуру критериев научности ценностными ориентирами и гуманитарными транскрипциями. Основные механизмы такой трансформации норм научной рациональности утверждаются в развитии самой науки благодаря концепции ноосферы, идеям нелинейной, «сильно неравновесной» термодинамики, синергетике, современной космологии (в частности антропному космологическому принципу) под влиянием системного подхода и идей глобального эволюционизма [4].

Современная наука, решая когнитивные, внутренние проблемы, не может не учитывать места и роли человека в этом мире, его целей и ценностей, способов познания. Динамика критериев научности и норм научной рациональности обусловлена не только изменениями в структуре самой науки, она тесно связана с глубинными мировоззренческими переориентациями научного знания. Это позволяет выделить в системе норм научной рациональности и ценностный блок, включающий в себя такие регулятивы научного поиска, как культурная ценность науки, социально-ценностная направленность науки, гуманитаризация научного исследования и социальная ответственность учёного [6].

Выводы. Репрезентация и сравнительный анализ основных подходов к динамике норм научной рациональности позволяют заключить, что динамический аспект норм научной рациональности наиболее полно представлен в современных философско-методологических исследованиях оснований науки. Расходясь в выборе оснований науки и в отображении их структуры, авторы сходятся в существовании переменных и относительно устойчивых характеристик научной рациональности. Компаративный анализ позволил обнаружить два взаимосвязанных механизма трансформации норм научной рациональности. С одной стороны, нормы научной рациональности детерминированы особенностями объектов, которые осваивает наука на определённом этапе её исторического развития (внутренний механизм). С другой стороны, они выражают образ познавательной деятельности, складывающийся в культуре под влиянием исторического типа науки (внешний механизм). Компаративный анализ показал, что нормы научной рациональности и критерии научности вырабатываются научной практикой и обусловлены всем ходом развития науки и научного познания. Сама же научная рациональность должна рассматриваться в контексте социальных условий, ценностных ориентаций, мировоззренческих установок и общего состояния культуры данной исторической эпохи.

Библиографический список

1. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки : хрестоматия / сост. А. А. Печенкин. – М. : Наука, 1994. – С. 37–38.
2. Мамчур Е. А. Принцип «Максимального наследования» и развитие научного знания // Философия науки в историческом контексте : сб. ст. / Институт истории естествознания и техники Рос. акад. наук. – СПб. : Изд-во Рус. христ. гуманитар. ин-та СПбГУ, 2003. – С. 312–334.
3. Ньютон-Смит В. Рациональность науки // Современная философия науки : хрестоматия / сост. А. А. Печенкин. – М. : Наука, 1994. – С. 137–144.
4. Перспективы научного разума и методологический дискурс / под ред. Я. С. Яскевич. – Мн. : РИВШ БГУ, 2000. – 216 с.
5. Порус В. Н. Научная рациональность как тема эпистемологии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2002. – 48 с.
6. Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века : сб. ст. / Российская академия наук, Институт философии. – Санкт-Петербург : Изд-во Русск. христ. гуманитар. ин-та, 1999. – 280 с.
7. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 12–18.
8. Степин В. С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки / Российская академия наук; Институт философии; отв. ред. Е. А. Мамчур. – М. : Наука, 1992. – С. 20–5.
9. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
10. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. – М. : Высшая школа, 1992. – 191 с.

© Сайганова В. С.